

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Родилась в 1960 году в Свердловске. Окончила Уральский электромеханический техникум в Свердловске, курсы сурдопереводчиков, филологический факультет Горьковского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского, Высшие литературные курсы в Москве. Работала воспитателем, сурдопереводчиком на Горьковском автомобильном заводе, Нижегородском телевидении.

Публиковалась в ведущих литературных журналах. Автор многих стихотворных сборников.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ВОЛОНТЁРША

Отрывок из повести

Дроны летели, вытянув шеи...

Стаей.

Это были вражеские «байрактары».

Восемь штук долетели до Балашихи. Одиннадцать до Волгограда. Семь до Брянска. Один угодил в наш район возле завода.

Звонок:

– Фотинья, сбор через тридцать минут. За тобой заедет Бианка.

Быстро беру рюкзак, кладу аптечку, надеваю удобную одежду, обуваясь в кроссовки.

Подъезжаем. Пахнет гарью. В темноте различаю фигуру Николы. Чуть подальше маячит силуэт Ольги. Сосредотачиваюсь, понимая, что взрыв был серьёзным. Но люди всё равно суетятся, куда-то все бегут, кипешуют. А этого делать нельзя, нужна предельная собранность. Я подбегаю к одинокой старушке, которая сидела, сгорбившись, прямо на земле.

– Всех мирных отводим в автобус! – услышала я приказ Николы. Он был у нас сегодня за главного.

Вообще-то наша группа из нескольких десятков человек. Но сегодня приехали четверо. Мы добровольцы, не люблю слово «волонтёр». Оно какое-то заграничное.

Я помогаю старушке подняться и тут понимаю, что она не может стоять. То ли напугалась сильно, то ли ногу подвернула. Я её подхватываю под локоть, но бабушка валится снова на горячий асфальт. Скорее всего, у неё инсульт, понимаю я.

– Эй, нужна скорая, здесь сердечный приступ!

– Сколько тебе раз говорить: ставить диагноз не твоё дело! – резко вскрикивает на меня Бианка, который уже успел сбежать «к очагу» и вернуться.

Подбегают молодые ребята с носилками. Они мне помогают уложить бабуся. Я ей под голову подсовываю её сумочку, держу за руку и приговариваю: «Всё будет хорошо! Как вас зовут? Скажите имя!» Старушка молчит, лишь глядит на меня испуганными глазами. У неё трясутся руки. Я глажу её морщинистую ладошку, повторяя: успокойтесь, не волнуйтесь, всё наладится. Вообще, моя задача как добровольца – проследить, чтобы не пропали вещи при погрузке пострадавшего, чтобы он не отключился раньше времени, чтоб он, она, они хоть чуть-чуть успокоились.

– Мария...

Произносит бабушка. И затихает, вздыхая.

У меня был страшный случай, после которого Никола мне запретил ездить за ленточку потому, что я всегда находила какие-то чрезвычайные беды.

Он так и говорил мне: «Фотинья, к тебе несчастья как грибы ползут!» Ха-ха, как будто грибы ползать умеют.

Тогда мы поехали вчетвером, их всех звали «Гарики», и худого, и толстого, и водилу.

Заехали в первое село, раздали воду и еду. Нам местные сказали: ещё поезжайте к соседям, это рядом, километров десять будет, уважьте! Там три старика, наверняка оголодали, к ним мало кто ездит.

Гарики развернули машину, и мы поехали, но, видимо, заплутали. Проехали десять километров – никого, лишь обгорелые хаты, ещё пятнадцать, ещё три.

– Наверно, заплутали! – сказал тощий Гарик.

– Вернёмся! – кивнул толстый.

– Эй, Фотинья, ты как?

– Давайте приостановимся, оглядимся, заодно «мальчики налево, девочки направо» сходим! Я после сухого виноградного вина не могу долго терпеть!

Остановились. Выключили фары. Осторожно ступая, вышли возле поля с кукурузой.

– Надо же... война, а кукуруза растёт, как ни в чём не бывало...

– Фотка, ты аккуратней, далеко не ходи! – толстый Гарик ко мне проявлял не только дружеский интерес, а немного заигрывал.

Мужчины встали возле машины. Никто не полез в кукурузу за мной. Не мужское это дело в кустах садиться!

Стебли были мокрыми, просто как банные веники. Небо было густым. Тьма-тьмущая. Я присела, выдохнула. И вдруг – взрыв. Оглушительный такой. Противный. Меня учили: молчи, хотя в этот миг я взвизгнула по-девичьи.

Это вам не в кино сидеть на заднем ряду и лобызаться. Это настоящий, смертельный, поганый взрыв. Машина горела. Тела Гарики были разбросаны по дороге. А я сидела в кустах и не могла пошевелиться. Затем чуть отползла, трясущимися руками натянула штаны, застегнула пуговицу. И вдруг отчётливо услышала, что плачет ребёнок. Тихо так, словно испуганный кот. «Кажется? Мерещится? Может, я контужена?»

Я встала в полный рост. Нашупала в кармане очки, надела их. Плач раздавался где-то в середине поля. Моя волонтёрская душа сказала мне: «Иди, Фотка, спасай дитя!»

Малыш сидел возле убитой матери.

Видимо, эфпивишки кружили над этим полем, выслеживали. Я потрогала руку женщины, холодная. Мальчик от неожиданности смолк. Самое странное было то, что малыш сидел абсолютно голым. Его трясло от страха и холода. Я стянула с мёртвой и уже неподвижной женщины кофту, закутала малыша. Достала косынку из своего кармана и обвязала возле его талии. Затем нашупала в своём рюкзаке запасные носки и надела на маленькие ножки. Так-то лучше!

– Я фея! Из сказки! – сказала я. – Нам надо пойти к своим!

И я настойчиво потянула малыша за руку.

Главное, выбраться с этого поля потому, что мать малыша наверняка подорвалась на mine. Поэтому и я, и он в опасности.

На дороге догорала наша «Нива».

Я старалась не глядеть на Гариков.

Достала свой кнопочный телефон из кармана. Позвонила в штаб, объяснила обстановку.

– Чёрт вас попер в это село! – рявкнул Старшой. – Сиди там. Жди!

– Есть сидеть и ждать!

Из стеблей я сделала небольшое ложе. Мы легли с малышом, накрывшись моей курточкой.

– Ты вправду фея? – прошептал малыш.

– Да, как тебя зовут? – Я крепче прижала малыша. Мне так хотелось взвыть. Вот прямо – громко! На всё поле. И дальше. Я сжала губы, чтобы не разорваться.

– Я? Мика...

Я достала из кармана штанов конфету и протянула Мике. Он её съел. Обнял меня ручонками и затих.

Нас нашли к утру.

Старшой так орал в машине, когда нас вёз, что Мика расплакался от испуга: «Мама! К маме хочу! Моя мама!»

– Заткнись! – ответила я Старшому. – Если не заткнёшься, башку расшибу! Я же фея! Я могу!

– Больше на линию ни за что! Дура! Эти бабы шастают туда-сюда, только под ногами крутятся. Сидите дома, трусы шейте.

Мика разревелся ещё громче.

Я шлёпнула Старшого по затылку. Кулаком. От неожиданности он перестал орать. Мика тоже утих.

– Я же говорила, что фея! Умею укрощать орущих. И утешать ревущих!

Старшой даже затормозил. И остановился. Вышел из машины. Закурил.

– Здесь не Воронеж, чтобы прогуливаться. У меня ребёнок полугодный на руках! – возмутилась я.

– А что дерёшься-то? – Старшой обиженно поджал губы.

– А ты чё орёшь? Я же не нарочно. Мы не на курорте.

Старшой прошёлся возле машины. Потянулся. Размял спину.

– Есть будете?

– Давай!

Старшой достал откуда-то из-под сидения термос с остывшим чаем и бутерброды:

– Жена всегда обед даёт с собой. Заботливая...

Я молча налила в стаканчик чай и стала поить Мику, отламывая по кусочку хлеб и запихивая малышу еду в рот. Меня душили слёзы. Ещё секунда – и забьюсь в истерику. Но мне плакать нельзя. Можно лишь лупить по затылку и выражаться грубо.

Я взяла и выругалась. Вот так, как шоферня, как держатель борделя. Это был отборный, трёхэтажный мат.

– Хочешь выпить? – неожиданно предложил Старшой. – Мне нельзя. Я за рулём.

– Ты чё, на прогулку собрался? Чай-кофе, вино-коньяк, колбаса, сыр! Давай уже, валим отсюда!

Я допила чай после Мики и доела бутерброд.

К вечеру мы были в штабе.

Мика плакал, хватался ручонками за мою курточку: «Фея, фея!»

– Мне надо других деток спасти! Я приеду к тебе, малыш!

Тело у Мики было белое, ножки пухлые, волосы мягкие, пупок торчал, когда он начинал плакать.

– Ты когда придёшь, фея?

– Вот найду свои крылышки и прилечу к тебе...

– Ты их потеряла?

– Ага. Временно...

Мика ещё долго никак не мог разжать свои кулачки, как его ни уговаривали медсёстры в больнице, куда мы отвезли Мику. Он не хотел расставаться с феей. Он повторял: «Мама. Хочу к маме! Фея, не уходи! Отвези меня к маме! Она там...»

Мика показывал своей тёплой ладошкой в сторону окна.

– У! У!

Дура-война.

Крылья феи пробиты пулями...

Крылья феи разорваны в клочья.

Фея... Фея...

Ты настоящая! Ты не имеешь права оставлять малыша! Ты не должна! Я достаю фломастер и пишу на запястье Мики номер моего телефона. Нащупываю какую-то пластмассовую фигурку, выданную в магазине «Магнит» за покупки, и даю её Мике. Это тебе на память! Играй! Я скоро-скоро! Правда. Вернусь!

Старшой нервно курил, стоя рядом.

Он понимал, что я не вернусь. Что у меня свои дела. А волонтерство – это добровольный поступок и не более. И что я никакая не фея. Что я – просто баба, которая отважилась поехать, чтобы отвезти волонтерку, пофоткаться на фоне неба и похвастаться в социальных сетях своими деяниями. Потому что помощь наша – мизер. Копеечная и смешная. Тут миллионы нужны.

Та, кто рожала, та понимает, что такое дитя. И как ему трудно без матери. Как его трудно переключить, как трудно оторвать от себя.

Бабы, если не рожали, то не пишите рассказы про детей.

Если не рожали, то сожгите все повести свои, где идёт упоминание о ребёнке.

Я рожала, мне можно писать.

И при этом целовать ручки – пальчики и ладошки! Говорить и ласкать дитя. Писать и качать его. Целовать в мягкие щёчки и писать невероятные пронзительные стихи.

– Идём!

Старшой подхватил меня под локоть.

– Пора!

Я получила эсэмэску от одной Скоморошихи: «Моя новый путь самурая. Решила, что помогать с гуманитарной помощью стану только отдельным подразделениям, будут две бригады на Б... направлении фронта. Номера в/ч не скажу. Одну с заботой опекает Бианка. И нам очень нужна обувь. Сбор 30 тыс. Во второй служит П. Там дали очень большой список от товарища гвардии генерал-майора такого-то на генератор и другие изделия. За мной Yealink».

Тоже мне – самурай!

Волонтёры обмениваются так информацией.

Так собирают деньги.

Я не собираю.

Я доброволец. Есть вызов – еду. Есть продукты – иду. Есть работа – участвую. Да лучше носки бабою вязать! Или подштанники шить. Не жели побираться.

«Настройте свой каюр-код и наведите на экран!»

Ага, счас! За енералами приглядывайте. Чтобы поменьше им – «сiju за решёткой в темнице сырой!» Поначалу так вообще без пригляда жили. Тыловые. Бери сколько хочешь. Сейчас лучше стало. Наладилось. Конечно, наши там воюют, конечно, деньги у них на карту идут. И жизнью они своей рискуют. Её за бабло не купить.

Не могу привыкнуть к запаху смерти. Я как-то за больной девушкой-олигофреном ухаживала, я к ней в комнату заходила, накрыв нос повязкой. Иначе всё – сблюю! А иные запахи – гнили, мочи, пота – тоже плохо переношу. Никола об этом не знает, иначе бы меня выкинули из отряда за шкуру. Ольга догадывается, когда я морщу нос, но молчит, у неё самой нелады с переносимостью вони. Я видела трупы, разодранные в клочья. Видела отдельно руки, ноги, видела внутренности, изъеденные червями. Видела трупные пятна во всё лицо. Синие губы, раскрытые чрева, размотанные на три метра кишки. Видела столько дерьма, что мои перепады настроения настолько противоречивы, что я могу плакать и ржать одновременно. Молчать и орать. Лупить и целовать.

Как Есенин – ласкать и карябать.

Как-то Ольга выругалась: sos!

Это было её главное ругательство.

Но Ольга – классная.

Хотя рисковая.

И она мне постоянно говорила, что её убьют с Николой вместе. Ибо у них – любовь.

– А тебя, Фотка, не убьют. Ты до победы доживёшь. И тебе самый главный ручку поцелует.

– А я что ему в ответ?

– Как что? Моё любимое: sos! – ухмыльнулась Ольга.

– И дальше что?

– А ничего...

Ольга так орала в рацию, причём непрерывно своё любимое sos, sos, sos, что Бианка ответил:

– У тебя что там? С Николой брачная ночь?

Оказалось, что «буханка» приехала, а грузчиков нет. Забухали.

Я первая примчала на место сборки. И сама вгрузила 15 сумок барахла.

Затем и вправду мне стало – sos.

Лопнул мениск, порвалась связка, разодрался хрящ. И через три месяца мне поставили диагноз – артроз четвёртой степени.

На МРТ написали: на левом колене правой ноги.

Это было настоящее sos.

Дочь мне высылала посылки за посылками, делала заказы через Wildberries лекарств. Но бесполезно! Я хромала полгода. Затем вышла на выгрузку и снова захромала, но уже на правую ногу. Пришлось продать дачу, чтобы вылечиться. Мы же бесплатники, нам ничего не положено. Ни копейки.

Деньги дают лишь за конкретное – sos.

– Может, Старшому? – предложила Ольга. – Он в МЧС работает, у него бабло есть.

– Нет! За мной тут Гарик толстый ухлёстывал, миной шлёпнуло, поэтому я зареклась, от меня неприятности! – ухмыльнулась я в ответ Ольге.

Мы как раз ехали на концерт в Мулино.

Солдатики были все как на подбор – стриженные. Безусые. Беленькие. Они слушали наши песни – Ольга с Николой хорошо играли на гитаре, Бианка пел, я с упоением читала стихи. Зал плакал. Особенно мамыши, приехавшие на присягу.

Затем нас кормили обедом.

Старшой сам лично проверял: всё ли у нас в порядке с порциями.

Но раковина в части не работала, из трубы несло ужасающе.

Ольга на меня пристально смотрела, когда я закрыла дверь с надписью toilet, выходя оттуда с побледневшим от отвращения лицом.

Но я заставляла себя учиться отсутствию брезгливости. Вот тебе и кодекс самурая.

– Ну что, sos? – спросила она.

– Иди, Ольга, в казарму, там наверняка чище!

– Нет. Не дотерплю! – Ольга ловко скользнула к вонючей дырке посреди.

И отчего тут в центре русской воинской части это английское слово – toilet? Может, для того, чтобы показать – це Европа настоящая клоака?

Никола и Ольга пели на мои стихи. Настоящие. Военные. Боевые песни. Жаль, конечно, если их убьют, потому что они на своей «буханке» не переставали ездить на ленту, бугор, антрацитовые горы да в шахты угольные.

Вот мне всё равно, когда говорят, что лезешь? Сиди, баба, дома, щи вари!

Мне всё равно, когда говорят – не наше дело, начальник сам виноват, куда глядел в 14-м году? Отчего допустил кровавый переворот в Кувеве? Отчего поверил всем меркелям-макронам? Не видел, что ли?

Мне не это главное: мне людей жаль.

Вот глядят они усталыми, измождёнными и испуганными глазами. Словно не на этой земле находятся, а подорвались в космосе и спустились только что на грешное поле наше. Их много, а ты одна! И от них идут словно сигналы SOS!

Мне и бывший муж говорил: уж больно ты сердобольная! И друзья тоже – всем не поможешь!

А того хуже, когда ещё в очереди какой-нибудь мужик в тапочках и шортиках начнёт пузыриться:

– Тебя кто на войну звал? Кто просил идти? Я не просил! Вот и стой за мной. Я крайний!

А у меня ногу ломит! Мениск выворачивает! Кость ноет! Я уставшая, вспотевшая. И жрать хочу. Вон ту булочку с изюмом и вон ту банку с йогуртом.

Нет. Я работаю на самом-то деле.

А волонтерство – для души. Людям помогать – это тоже иногда клёво. Когда бабки благодарят. Бабы кланяются, в ноги кидаются, мужики головы склоняют. Дети кричат: фея прилетела! Это тебе не коучи-блоггерство-мимишки для маришки.

Это тебе не гарри поттеры, орки, виртуальные игры.

Дети сейчас растут без знания войны. Они едят бургеры, чизбургеры, пьют колу, фанту и торчат в телефонах целыми днями, там развлечения.

И ничего не поменялось с 14-го года и с 22-го тоже. Всё те же ЕГЭ, ОГЭ, Болонская система, в жюри литконкурсов всё те же мужчины сидят и бабы, которые из 90-х и из нулевых. И стремятся к денежным призам. Вот все хотят денег.

Дай!

А в ответ – тишина.

И лишь песни Ольги и Николы. Которых убьют. Они оба подорвутся через пару лет. А ведь они могли мёдом заниматься. Пасекой. Продавать тягучий липовый, густой цветочный. Могли бы детей нарожать. Пять штук. Могли бы в филармонии петь. У них красивые голоса. Особенно у Ольги – молочный, густой.

Они даже пахнут одинаково – женитьбой, брачной постелью, завтраком, ужином, мужем и женой, Иваном и Марьей, Лелем и Ладой, ночью на Ивана Купалу.

Вообще у меня собачий нюх.

Выпустят в лес, а я хожу принохиваюсь, со мною бы пропавших, потеряшек искать. Но мне больше подходит волонтерство, ибо мы работаем с живыми, а поисковики не только с ними, у них мертвяка много. И вино они пьют.

У нас на счёт этого строго: никаких пьянок.

Поначалу мы ездили, словно туристы или рыбаки, только удочек не хватало, а постепенно набрались опыта. Я даже на курсы ходила по оказанию первой медицинской помощи, жгуты умею накладывать, зубами держать жгут, зажимать артерии, находить лимфоузлы потому, что при искусственном дыхании мало делать массаж сердца и дуть рот в рот. Надо находить важные лимфоузлы и слегка массировать их. Это тоже эффективно. Но Никола орёт: «Не вздумай!» Ольга подхватывает: «Не лезь!» И Бианка мычит, соглашаясь. Он писатель средней руки. Такой банальный. Но не фальшивый. Иногда приносит мне рукописи и просит: прочти. Я киваю и стараюсь сосредоточиться. Отчего-то последнее время ко мне лезут все, кто хоть что-то более-менее сочиняет. Просят: издай. А мне не всегда хочется. Скорее всего, просто не хочется. Те, кого хочу, – недосыгаемы.

Я поехала в Брянск.

Позвонил Старшой:

– Фотка, езжай за наградами. Привезёшь всем, сколько дадут, бери.

– Отчего я? – мне не хотелось вставать с места, я вообще мечтала 2-3 дня полежать под солнышком, позагорать, покупаться в бассейне и сбросить 5 кг.

– ЧВК хотят концерт заодно. Ты же читаешь стихата будь здоров, все кони оживают!

– Не поеду, Старшой, не зови! Тратиться не хочу. Читать стихи не хочу. Ехать отказываюсь.

– Почему?

– Потому что возвращаюсь из поездок со вшами. Помнишь, ехала поездом от тебя после смерти Гаригов? Так вот, привезла вшей полную голову. В этих вагонах в отстойниках бомжи спят по 50 рэ за ночь!

– Тебе за поездку возместят, заодно диплом получишь на литфесте! Как раз 24 августа, успеешь! – не унимался Старшой.

– Ну, ладно... я купаться хотела...

– В Десне искупаешься!

Вшей я действительно нахватала в вагоне, хотя платком оборачивала голову, шапочку на затылок привязывала, шампунем от вшей мылась, но увы – серые, блохастые бегали по моей голове целых три дня. Гребнем вычёсывала, волосы над ванной вытряхала, мылила специальным раствором из чемерицы – бесполезно.

Эти вагоны – просто рассадник!

Но медаль привезла. Именную.

В удостоверении было написано, что мне, Фотке!

Правда, удостоверение и все подарки оставила в номере вместе с туфлями на высоком каблуке и юбкой из шифона. Я вообще боялась лишней тяжести, старалась брать с собой в дорогу только необходимое: доширак, кипятильник, бельё и расчёску. От вшей.

Затем Старшой позвонил и сказал:

– Съезди к Мику, он в детдоме. Тебя зовёт!

– Не поеду. У меня сердце не камень. Разревусь.

– Не ври! Я тебе деньги скину на карту. Езжай. Адрес прочти в почте. Считаю, что это моё задание. Личное.

Старшой говорил нараспев. Последнее время он не отваживался орать на меня. Он знал – кулаком по башке получит.

Я купила в магазине новогодних костюмов накидку для феи. Она была оранжевого цвета, с большими пуговками на груди и спине. Крылья на ней пришиты из тюлей и каких-то глупых бумажных цветов.

Мика, увидев меня, помчался с конца коридора. За три месяца, что мы не виделись, он ещё больше растолстел, зарозовел, закудрявел.

– Фея! Моя фея!

Толстый, беленький мальчик, с мягкими волосами и, стыдно сказать, с таким родным маленьким пупком.

Он обнял меня, стал радостно разглядывать мой костюм.

– Ты нашла свои крылья! Да! Мы полетим к маме!

– Позже! Мика! Мой мальчик!

Я его целовала в пухлые щёки, я перебирала его пальчики на руках, я гладила его беленькие ладошки. Он тоже целовал меня истошно:

– Ты останешься со мной? А? Хотя бы на одну ночь?

– Мика, а как же другие дети? Кто им будет искать их мам, пап, бабушек, тётушек? Я же одна на всех!

Воспитательница Люся стояла рядом. Она растерянно смотрела на меня и Мику. Она всё знала и понимала. Молчала. Скованно. И мило.

Просто стояла и была очень милой.

Вот умеют люди ничего не делать, а быть такими милахами!

Кушать и улыбаться.

Плакать и улыбаться.

Петь и улыбаться.

Бухать и тоже улыбаться.

Спать с мужчинами и всё равно улыбаться.

А у меня печаль на лице. Я не улыбаюсь. Я волонтерю. Таскаю тюки с гуманитаркой. И эта гуманитарка не кончается, оттого что люди хотят есть, пить, одеваться, а их жильё с одеждой, едой, питьём разбомбили. Я вяжу носки, но иногда мне кажется, что я вяжу из своих волос. Вот только выведу вшей и снова вяжу.

– Люся, а можно фея останется? На одну ночку? Пожалуйста!

Из уст Мики – это «пожалуйста» прозвучало, как sos.

Люся отрицательно покачала головой.

– Вы сначала сходите погуляйте. Фея! Мика! Идите во двор!

Мы вышли на широкое крыльцо, залитое солнцем. Именно залитое. Солнце было размазано по листве, цветам, кустам, по голосам птиц. И по щекам Мики.

– Куда пойдём? – спросила я.

– На качели. А потом сбежим? – Мика крепко схватился кулачком в подол моей шёлковой юбки.

– Сбежать не получится! Я опять сломаю крылья...

– Тогда полетим!

– Мои крылья не рассчитаны на такую тяжесть! Мика, я попрошу Люсю, чтобы меня оставили с тобой в комнате для гостей переночевать. А улетать мы не станем. Иначе меня поймает полиция и посадит в тюрьму. А там мои крылья отвалятся и умрут. И я стану обычной, серой домашней хозяйкой с противным квартирным бизнесом. Коей я иногда являюсь кроме случаев волонтерства и спасения людей.

– Квартирный бизнес? – Мика покачал осуждающе кудрявой головой. – А я думал ты всегда фея!

– Садись на качели...

Он взобрался. Посмотрел на меня.

– А как же мама? Ты мне её не вернёшь?

– Я её не отбирала у тебя. Она сама осталась в кукурузном поле. Заболела... видимо...

Мика тихонечко заплакал. Затем громче. Я не переставала раскачивать его, думая, что поплачет и забудется. Но нет. Мика взревел во всю мощь...

Я его сняла с качели и прижала к себе.

– Мика, родной, ну прости! Прости! Нам, феям, тоже приходится несладко!

– Остайся со мной! И я не буду плакать!

– Ах ты, шантажист маленький! Я же сказала: попробую спросить у Люси.

Мы пошли в сторону прудика. Это был заурядный водоёмчик из резиновой ванночки.

– Всем разрешают ночевать здесь. Вчера к Вовке бабушка приезжала. Гостила всю неделю. Вовка хвастался!

Я достала из кармана телефон и набрала Люсе, спросив, есть ли возможность мне остаться на ночь?

Воспитательница ответила согласием:

– Конечно! Комната свободна до субботы! Питаться вы можете у нас в столовой с доплатой и гулять с Микой можете целыми днями по территории.

Я согласилась.

На ночь я снимала свой костюм, чтобы крылышки отдыхали.

– Мика! Предупреждаю, если меня срочно вызовут на помощь людям, то я улечу! Не реви!

– Ладно!

Согласился он.

Было в нём такое чудовищное зияющее чувство войны и вины.

Вины взрослых людей.

И моей личной!

Что я не уберегла его мать.

Человек – существо несовершенное, воюющее и злое!

А фея одна!

Я целовала Мику и целовала. Я его таскала на руках и тискала. Мы играли в прятки, выбивалки и просто в мячик. Мы спали днём после обеда. И спали ночью после ужина. Мы ели всё. И пили всё, что принесли из столовки. Мы были как мать и дитя.

– Научи меня тоже быть феей!

– Нет. Ты будешь сыночком феиным. Ты Феич! Такой маленький, пузатый Феич! Вырастешь и тоже станешь добровольцем! Ладно?

И мы спасали весь день игрушечных солдатиков, отвозили их на скорой, делали им искусственное дыхание. И успокаивали. Я Мика Феич! – орал малыш. И радовался всему на свете.

Я уехала утром, перенеся сонного Мику в его кроватку в спальню для мальчиков. Это был самый глубокий и сладкий сон – в три утра.

Я и сама, кажется, спала.

Все пять дней я спала в счастливом сне.

Я хотела внуков. Так вот же он – уже готовый, живой, беленький внук! Я его нашла в кукурузном поле. Не всем же детей приносят аисты.

Всю дорогу я плакала.

Днём позвонил Старшой и сказал:

– Нужны РЭБы.

– Всем нужны.

– Складываемся!

– Повезут на ЛБС Никола и Ольга. Фотка останется на телефоне штаба.

Тогда Николу ранило. А я потащила к нему навестить его в больницу. Это было страшно! Воняло мочой и пенициллином.

Ольга сказала: дадим концерт для военнослужащих.

Дай сама. Вот иди и дай. Дай им! Дай всем.

И при этом не реви.

...

Ночь. Всегда ночь. Век – ночь. Каждую ночь – ночь. Каждый день – ночь. Каждый грех – ночь.

И стихи – ночь

Я – ночь.

...

Спи!

Глазки пусть спят. Тело спит. Руки спят, голова спит. Ноги спят.

Но одной ноги нет. Она вечно будет теперь гулять по полю. По широкому полю. Ольга никак не могла понять – как это случилось? Отвезли груз. Ехали со скоростью запредельной. Уже возвращались. Осталось до города каких-нибудь 20 км, и вдруг! Ослепительная вспышка под

левым колесом. Крик Николы. Брызги крови: на полу, сиденье, даже на стекле переднем капли. Машина, стыдно сказать, цела. И даже на ходу. Лишь нога Николы отдельно от Николы. Старшой сказал: взорвалось снизу, пробило дно и оторвало ногу. Не задело более ничего. Не загорелось. Лишь воронка под педалью, небольшая такая. Но этого хватило, чтобы отсечь живую волосатую ногу, пройдя по кости.

Ольга думала, что ногу пришьют. Замотала её в полиэтиленовый мешок.

Николу уложила на носилки в «буханке», перехватила жгутом выше колена. Даже не помнит, как сама села за руль и помчалась в больницу. Ехать надо было мимо морга. Там целый воз вещей убитых воинов. Героев. А поверх всего бронник возвышается.

Вот зачем я поехала в Москву в этот госпиталь воинов всех войн?

На 14-м этаже есть такая палата на четверых. Все тяжело раненные. У всех оторваны конечности. Лежат такие коконы после операций. А уже идёт десятый день. И кто-то из них старается привстать. Возле больных жёны суетятся:

- Васечка, бульончик?
- Петечка, кашку?
- Данечка, Данечка!

Запах войны – это запах болящей плоти. Запах пота, человеческой боли и страданий. Капельницы, перевязки, уколы.

А до протеза ещё терпеть и терпеть.

Он лёгкий, у него полость мягкая, как шарик воздушный.

Никола, будешь передвигаться на воздушном шаре! Как Жюль Верн.

Ольга сказала:

- Всё равно дадим концерт. Это не обсуждается!
- Но... как-то не ко времени! – попыталась возразить я.
- Ты читаешь. Я пою.

– А что читать? У меня всё слёзное. Всё философское и сложное, я же не Барто! – я сидела в Николиной палате и смотрела на всех сразу. И на всё сразу. На еду. На тумбочки, на стены, на судно, на медленный ток лекарства из капельниц. И слышала, как кричат тяжелые.

Так же орала роженица, нагулявшая ребёнка и убившая его в животе своём. Нам не рассказывают, что баба, переспав с мужчиной и забеременев, добровольно идёт на искусственные преждевременные мертворожденного дитя роды. Его убивают специальным раствором. И вызывают роды медикаментозно. Так же орал Петечка. Он – птичник. Его засекли и всекли беспилотником.

Вошёл хирург:

– Терпим! Терпим! Сейчас укольчики всем сделаем. Затем ужин. Через пару месяцев встаём на протезы и гулять идём!

– Пошли! – скомандовала Ольга. – Если будем кукситься, то выздоравливать больным тяжелее. Когда Никола поправится, то возьмём и его тоже. Да?

Никола лишь простонал в ответ. Раны затягивались трудно. Швы воняли мазями. Кость ребрилась неровным конусом.

В коридоре Ольга прошептала мне на ухо:

– Любви хочу, аж горло сводит! Как ты думаешь, на Николу это повлияет?

– Нет. То есть повлияет, но в лучшую сторону, ободряюще сказала я. Точнее брякнула.

Ольга удивлённо вздохнула.

– Откуда ты знаешь, а вдруг наоборот в худшую?

– Погляди на себя в зеркало. Ягодка-малинка! Юбочка короткая, коленки белые. Как только поправится Никола, тут же станет любить тебя!

– Ха! – Ольга довольно улыбнулась.

– Верное решение! – ободрила я Ольгу. – Ты что петь будешь?

– Как всегда, – отмахнулась она, доставая гитару из чехла. – У меня сейчас мысли только о том, как оказаться в нашей супружеской постели.

– А ты попроси отдельную палату после концерта. Авось хирург раздобрытся. Мы чё тут, забесплатно вкалываем, что ли, рифмы гоняем? А?

Ближе к ночи Николу перенесли в отдельную палату. Он так жалобно стонал, что я только морщилась. Вместе с Николаем перетащили его судно, утку, пачку печенья, два яблока, стакан томатного сока, градусник, бутылочку с водой. Медсестра не пожалела обезбола, и Никола утром очнулся посвежевшим и в хорошем настроении.

Ольга позвонила мне и рассмеялась. Я такого счастливого смеха не слышала давно.

– Ну как, Ольгунчик?

– Фотка, это класс! Помнишь у Шолохова, вот вставила бы перо и полетела!

– Ну, так вставь!

– Я теперь и без этого летать могу!

– Вот-вот, я же предупреждала...

– Давай гони мне новые тексты, что-нибудь про любовь. Красоту. Наготу. Лепоту! Из меня музыка так и прёт!

Я взяла листок бумаги. Авторучку.

Текст получился, наоборот, тяжёлый и вычурный. Я его перечеркнула крест-накрест.

Но Ольга сказала: оставь! Получится красивый романс. Вот получится! Точно! Фотка, ты умница. И ты гений!

Я лишь пожала плечами. Ночью мне снились все сразу: Старшой, Ольга, Бианка, Гарики, Мика, даже мама Мики и Никола, но идущий на своих ногах.

Когда Ольга привезла оторванную ногу Николы в больницу и самого Николу, то врачи долго не могли понять просьбу Ольги: пришить конечность на место. Она причитала: «Я слышала, что можно пришить! Слышала!» Врачи её увещевали: «Нельзя!» Но Ольга не останавливалась: «Пришейте!» Вышел хирург и как воскричит: «Ага! Счас! Только иголку поточу и простерилизую! Вы с ума сошли? Может, мне водичкой живой побрызгать, чтобы новая выросла? Это жизнь, женщина, а не сказка!» И добавил: «Тьфу ты...»

Романс и вправду получился в миноре. А припев такой мажорный. Ольга убрала про гнёзда и чёрных панков. А утром Ольга написала мне сообщение: «Кажется, забеременела. 10 лет пытались, и всё никак. По врачам ходили, биомассу сдавали по пол-литра каждый месяц. А тут с первого раза на обезболе... Поздравь меня, Фотка!»

«Поздравляю обоих!» – ответила я, понимая, что теперь придётся ездить с Бианкой, Старшим и двумя новыми парнями – Тошей и Мокшей. Мы их так прозвали. Они были такими наивными, непугаными, как два птенца из Края глупых птиц, я провела им два курса первой помощи и показала, как накладывать жгуты. Тоша бледнел от вида крови,

а Мокша от ножа и плоскогубцев. Эти вещи тоже нужны, если перекусывать проволоку или заграждения, чтобы пробраться в серую зону.

Фея, фея!

Мика меня ждал. Он был терпеливым. И Люся мне звонила и говорила, что Мика молодец. А один раз она мне предложила, может, усыновите? Или муж против?

Нет. Не против. Его просто нет.

А-а... вы же волонтеры. Сочувствую.

Нет. Он жив. Но он бывший.

Вот я тоже слышала, что волонтеры лишь неприкаянные и одинокие.

А ещё пьяницы и гулящие! Но я ни то, ни другое, ни третье. Я, Люся, с 14-го года такая. Правильная. Хорошие книги читала. А плохие выкидывала. Из окна вагона поезда.

Как это?

Просто в окно. На полном ходу. Раз, и нету. Лети, голубок!

Журавли летели клином. Ровным. Лишь один отчего-то выбивался. И чуть косил налево.

– Это к добру! – сказал Тоша. И Мокша кивнул в ответ.

– Ладно.

– Можно мы вас сестрой называть будем? Сестра Фотинья!

– Лучше сестер по-английски. Систер Фотка.

Парни ловко вгрузили 11 мешков в курскую. Бианка был за рулём.

– Поехали!

Ага. Я осталась.

Трава была мокрая. Ноги сырые. Ботинки насквозь влажные.

Завтра идти на квартиру. Съехали арендаторы и, как всегда, оставили грязный пол, пригоревшую плиту и сломанную стиральную машинку.

– Старшой! Помогите! – позвонила я в штаб.

– Чё, кинули? Обьюзгали всю жилплощадь и смотались?

– Как всегда...

С утра я мыла полы. Тёрла порошком раковины. Замачивала в хлорке ванну. Мне как-то одна женщина сказала: ну подумаешь – квартиру сдавать, пришла раз в пять лет, проверила и далее живёшь! Ну-ну. Если бы всё было просто. На самом деле я по натуре чистюля. И пятна на стенах, жир на полу, грязная ванна, рваные шторы – это не для меня.

А вчера сама несла на пятый этаж микроволновку и стиральную машинку. Тащила и отдыхала посередине лестничных пролётов. Естественно, к вечеру была просто выжата как лимон. И такая же кислая!

...Тоша и Мокша попали под обстрел.

Они думали, что проскочат мост. Но не успели.

Они такие хорошие ребята. Исполнительные. Но без опыта. Учила, учила, учила, как поступать в сложных ситуациях. Обождать. Где-то пройти пешком, если недалеко. Затаиться, спрятаться в блиндаже. В ангаре.

Но мы все охотники. В книгах об этом мало кто пишет, что лучше иногда залезть в нору, присыпать себя землёй, прикрыться брезентом или куском рубероида, который не выдаёт тепловую сигнатуру. Я таксаю всегда такой рулон в рюкзаке вместе с аптечкой, жгутами, запасным термобельём. Но Старшой сказал: Фотка, сиди. Фотка, не лезь. Фотка, ты баба. И ты нам нужна как лирическая женщина. Твоё дело – концерты в больницах, лазаретах, гуманитарщица. Ты ж бесплатница и бессребреница. Жди, когда позовём.

... Накануне мы с Тошей и Мокшей сидели в баре. Захотелось просто попеть в караоке и съесть тарелку пельменей. Тоша и Мокша рассказывали, что они одиноки, оба, что девушкам не до них. Что Тоша любит рисовать, а Мокша стремится попасть на ННТВ, как стендапер, но его не берут за отсутствием таланта. И поэтому он хочет набрать материала про гуманитарщиков и затем ходить рассказывать весёлые истории.

– Например? – спросила я. – Какое веселье, когда едешь со скоростью 140 км/ч и боишься поднять голову?

– Вот я и говорю, что найду смешное и выйду на сцену, – Мокша улыбнулся. – Слушай, систер, например, едем, а у меня живот разболелся, я хочу выйти, но останавливаться нельзя. И тут грохот. Бац, и кювет. Выхожу и понимаю, что рядом дом. И что я уже у цели. А тут снова бац – беспилотники. Я их сбиваю веником!

– Не смешно! – возражает Тоша. – И пошло.

– Там у всех пошло. Главное, придумать историю. А дальше само пойдёт!

– Да... уж веселья... может, ты петь будешь лучше? Это сейчас нужнее.

– Нет! Ни слуха, ни голоса у меня нет.

– Может, у тебя знакомые есть. Они пристроят на какую-нибудь передачу.

– Так там спать надо с продюсером, руководителем...

– Все говорят, что спать! Но никто не видел эту большую кровать, чтобы после неё на экран прорваться! – улыбнулась я.

Тоша в этот день не пил. Мокша тоже лишь жевал пельмени.

Я сказала:

– Всё, отбой. Вам завтра рано вставать.

Мы тепло распрощались.

А на следующий день пришла сводка – Тоши и Мокши больше нет. Вот тебе и комеди-клуб.

Как впоследствии оказалось, Мокша не погиб. Он был взят в плен. Каким-то чудом Мокшу выбросило из окна во время взрыва на мосту, он откатился, видимо, к обрыву. А там ДРГ его обнаружила, связала, утащила в лес. Пытали.

Это был Содом.

Страшный город на берегу.

Самые изощрённые пытки – это у них, у азовцев* . И почему-то всегда с наличием эротики. Вот не могут они без низменного и унижительного. Отрезание ушей. Прижигание при помощи калёного железа или прутика. Кастрация. Отрывание ногтей, зубов, переломы коленей.

И того страшнее – это ножом по животу, вырезание кожи в паху.

Я в юности смотрела спектакль, где мученица встречается по сюжету с палачом. Он её не узнал, но мученица сразу признала палача, ибо мечтала всю жизнь отомстить за унижения. Палач был уже немощным стариком, попавшим в западню. И тут разыгрывается драма: мученица ведёт длинный диалог, рассказывая о своих страданиях и извращениях палача. А в конце – отпускает его в море. И тот не тонет, а спасается.

А мученица причаливает со спокойной душой, думая, что отомстила.

Но месть не настигла палача.

Иллюзия мести оказалась окрашенной в синие тона.

Расплата, видимо, должна была прийти позже. В наших сердцах.

---

* Запрещенная в России террористическая организация.

Я мысленно несколько раз убивала этого палача. Наяву. Во сне. И я до сих пор мечтаю вставить в него жуткую пулю. Отравленную. С разрывом внутренних органов.

Мокша истекал кровью. А его пытали и пытали. Затем взмыл наш беспилотник над головами мучителей, те ринулись в разные стороны, но наши осколки их всех сразили наповал. Мокшу спасли. Доставили в больницу. Он тридцать дней пролежал в реанимации. На тридцать первый очнулся и написал мне сообщение:

«Фотка, жить нет смысла...»

Я позвонила в штаб. Мне сказали:

– Езжай. Успокаивай. Ты сможешь.

– А вдруг не смогу?

– Тебя же обучали на курсах. Ты опытная.

– Но у меня квартиранты. У меня аренда. Я без денег сижу... – возразила я. Но уже собрала свой рюкзак, положила туда несколько книг на военную тему, витамины, травы успокоительные и ещё всякую мелочь. Рюкзак добровольца, так я называю всегда мою поклажу.

Машина приехала за мной через час. Я даже цветочки успела полить и накормить кота. И соседке наказала: Милка, если меня долго не будет, то пригляди за Стиксом!

Так звали моё пушистое чудо. Пять кило радости и пуха.

Меня безоговорочно пропустили в палату. Даже не заставили надевать белый халат и полиэтиленовые тапочки.

– Идите! – сказала медсестра на посту. Было такое впечатление, словно они не верили, что Мокша не наложит на себя руки.

Я зашла в мало освещённую, вообще какую-то тусклую прорезь палаты. И словно протиснулась в иное измерение.

– Мокша, милый! – я обняла его голову. Стала неистово целовать затылок. Мои губы упирались в бинты, в сплошное белое, шершавое...

– Систер? Ты? – Мокша приоткрыл глаза. Зрачки были фиолетового цвета.

– Я, бразе! Я!

– Зачем ты?

– Мокша, мы же добровольцы. Мы сильные. Я сильная. Ты тоже. Мокша! Мы ещё с тобой на комедии попадём, мы фильм снимем! Мы в театре будем играть на самой главной сцене! Мокша!

– Систер, ты не понимаешь, я урод. Меня...

Мокша заплакал. Так по-детски. Мягко. Как кошка.

– Бразе, нам надо отомстить им. Надо вылечиться и пойти мстить этим гадам! А умереть мы всегда успеем. Да мы ещё и жить не пробовали! Мы возьмём калаша, гранаты, беспилотники, мы же бойцы, Мокша!

– Я... меня...

– Мокша, верь мне! Всё наладится. Плохое забудется. Ну не в этом же дело, тебя... меня... Мы их всех, этих нацистов накажем, Мокша. Мы с ними сделаем то, что они проделали с нашими пленными. Они будут корчиться и просить пощады.

– А где мы их найдём? – Мокша чуть привстал на кровати.

– Как где? На западе! Ты же знаешь, как работает наша разведка. Наши службы. Ты видел, как работаем мы.

Я целовала Мокше мокрые щёки. Я гладила его руки.

– Вот умеешь ты, систер Фотка, сказать так, что жить начинает хотеться!

– Так я же фея. У меня ещё Мика есть. Такой хорошенький пацан. Выздоровеешь, поедем к Мику, бразе! Он ждёт меня.

– Откуда он взялся?

– Оттуда же, как и все. Он с кукурузного поля.

– Ну-ну...

– Он маленький, беленький весь, толстенький. Его маму убили эти палачи! Ему хуже, чем тебе, бразе! И мы нужны ему. Ты, я, просто люди. Он сучает и ждёт!

Я встала с табуретки и дотянулась до выключателя. Желто-лимонный свет ярко ударил в роговицу глаз.

– Совсем иное дело. Мокша, я тебе книги привезла. Про разведчиков. Бои. Про партизан. Ты прочти это до субботы, а потом, когда вылечишься, то позвони. И приезжай. Мы тебя ждём. Весь штаб.

– Отчего до субботы, систер? Тут пять толстенных томов! – Мокша приподнялся на локте.

– А потому, бразе, что мы, добровольцы, психологи хорошие. В науке есть такой термин «рассасывание боли», поэтому два-три месяца мозг надо занять чем-то невероятным. Заставить его интенсивно работать. Сопереживать другим. Кому хуже! А этим людям – намного труднее. И тяжелее. Мокша... милый... больше не пугай нас! Меня! Мику! Старшего! Ольгу и Николу! Вон Никола без ноги валяется. А у Ольги скоро дитя родится. А мне без вас кранты. Вы моя семья! С кем я повезу одеяла и подушки в сёла? Книжки? Ты же знаешь, что не хватает рабочих рук!

Мокша на меня посмотрел сосредоточенно:

– Систер! Не бойсь. Не подведу!

Мы ещё долго болтали до вечера. Ели яблоки и грызли орехи. Придумывали диалог для комеди-клуба. И сочиняли куплеты для фестиваля «Доброволец на сцене».

Затем мне позвонили из штаба и сказали:

– Машина ждёт. Спускайся!

– Хорошо!

Соседка изумилась:

– Что так быстро? Стикс даже проголодаться не успел!

– Милка, спасибо тебе! Это было самое настоящее благородное дело. И я, как спасатель, горжусь собой.

– А много платят-то? – соседка запахнула халатик, вставая с дивана.

– Нет. Но не всё же измеряется в валюте...

– Ясно. За спасибо вкальываешь, Фотинья! Как юродивая...

– Ты знаешь, меня никто не заставляет это делать. Кроме моей совести! Всё, Милка, спасибищи. Иди!

– Зови, если чё...

Я протянула Милке коробку конфет «Ассорти».

Ладно!

От Мокши пришло сообщение: «Фотка, я так и не понял, отчего до субботы надо всё прочесть?»

«Я же не сказала, до какой субботы конкретно!» – ответила я.

«Да... ты настоящая волонтерище! Буду учиться у тебя!»

«Спок ночи, бразе!»

Спок. Спок...

Данкевич написала: «Срочный сбор на мавики...»

Вот бы Мокша женился на Данкевич! Это был бы хороший, крепкий брак.

Сейчас операции делают на восстановление всех жизненных функций. Врачи научились. Медицина не стоит на месте. Вылечится Мокша. Обязательно!

И, наверно, они бы жили долго и счастливо если бы Данкевич не...

Блин... только не Данкевич. Ибо она – красавца. Ушки длинные, шея белая, щёки впалые, а волосы кудрявые, цвета спелой вишни и рябины.

У Данкевич оторвало руку.

И Мокша её утешал. Он научился у меня – целовать в голову. Долго-долго. Затем качать, как ребёнка. И петь колыбельную.

Данкевич без руки была ещё прекраснее. Она повязывала локоть какой-то бренчащей фигнёй в стиле боро. И на шею надевала колокольчик. Каждый раз разный.

Они бы были прекрасной парой, если бы Данкевич не была влюблена в другого. В того, кто её бросил. Какой-то трус с пирсингом и татушками. Из богатеньких, рублёвских, папа начальник на Винилрусе, з/п три ляма. Данкевич рыдала навзрыд, когда узнала, что её хахаль ушёл от неё, безрукой. Тоже хотела повеситься.

И меня вызвали: Фотка, езжай, утешай!

Мы приехали вместе с Мокшей. И мы её целовали наперебой в затылок, мы её тискали. И орали громко!

– Не дадим повеситься! Солдаты погибают лишь смертью храбрых! Ты должна сначала отвезти эти пакеты новым пострадавшим в приграничье. Данко, выполняй задание!

Затем мы пошли в ближайший бар и там набухались до сблёва. Нас всех рвало одновременно за углом. Спать мы легли на скамейке в парке. Полицейские нас разбудили и пригрозили, что увезут в вытрезвитель.

Я как самая трезвая позвонила в штаб. И нас забрали.

Мы спали у Старшого на надувных матрасах, с которыми он обычно ходил на рыбалку. Утром пили рассол из-под огурцов и хохотали, придумывая новые сценки для комедии. И частушки для феста. Днём пришла жена Старшого Лидия Игоревна и покормила нас борщом.

К вечеру мы разъехались. Данкевич к себе. Мокша поехал её провожать. А я к Стиксу! Старшой долго крестил Мокшу и Данкевич вслед.

– Хоть бы сложилось у них...

Да... вот тебе и патриоты. Крестьяне да молятся. Им бы пистолеты в зубы и на полигон!

Добровольцев в России много. Тысячи, а то и миллионы. Да кто ж их считает? Есть, конечно, официальные списки, есть учёт и контроль. Но, как говорится, нас тьмы и тьмы, нас небо и космос, нас так много, что со счёта собьёшься. Звезды по ночам тоже волонтерят. Солнце – тоже волонтер небесный. Мы ему ни копейки не платим, а вот жить без него не сможем. Любовь – это тоже волонтер, церкви, храмы, больницы, школы – тоже волонтеры. Но первыми и живыми числимся мы. Некоторые не числятся, не получают удостоверение волонтера, да и зачем? У нас никто корочки не спрашивает. Мы просто приходим и помогаем. Чаще всего все друг друга знают, переписываются в соцсетях. Складываются деньгами. Обмениваются. Например, кто-то уже приехал, и ему негодились аккумуляторы, ибо не те и слабые. А другим в самый раз.

Добровольцы – это снабженцы. Например, на Херсонском срочно требовались одеяла – это вообще материал расходный и скоропортящийся. Сейчас есть термоодеяла и носилки. И такие блестящие накидки. Они согревают и они одноразовые. Их легко сдать в утиль. Видели в госпитолях полные контейнеры этих блестяшек? Но одеяла были нужны позарез, я бросила клич, мне прислали новые, ватные, в упаковке. Человек состоит из одежды, еды, питья, постели, чашек, ложек.

У человека есть дети, матери, жёны, коты, собачки, птички, мужья, отцы, братья, сёстры. У человека есть Родина. И Вселенная. И самое страшное, что человек – смертен. А мы, волонтеры, все сплошь суицидные. С кем ни поговоришь, все говорят – повешусь, застрелюсь. Нет, ты сначала врага убей. Вот сколько встретишь, столько и убей. А потом, ребята, дискотека! Кино, бабы, ночь любви, бухло, курево и снова дискотека!

Я без дискотеки не сдамся!

И не уйду.

Мне вруби музыку, да погромче!

Например, «Комбат, батяня...»

Или «Я русский».

Поэты, поэты, вы опоздали со своими стишочками про цветочки! Я теперь сплошь читаю Набокова и его «Толстого», а ещё Булгакова. И Твардовского. Если ты – не Юлия Друнина, то читать не могу. От слова совсем. Про летящий с дерева листочек мне не интересно. «Не вставляет», как пишет Мокша.

Они с Данкевич лежали на разных матрасах. Взяли поехали на дачу и легли там в комнатушке на матрасах, которые были чуть отодвинуты друг от друга. Сначала Мокша протянул руку и коснулся руки Данкевич. Они рисовали узоры на ладошках. Второй руки у Данкевич не было, но зато была здоровенная, утолщённая в локте культя. И Мокша начал целовать этот кукольный узелок. Ему нравилось. Они уже три часа целовались. И Данкевич с ума сходила от желания.

Мокша был доволен тем, что почуял себя мужиком.

– Ты знаешь, Данко, я ж...

– Да знаю я! Не говори ничего. Всё наладится... мне хорошо с тобой, Мокша!

Они прижались к друг другу. Они согрелись друг о друга. И стали встречаться. Данкевич забеременела даже. У неё округлилось тело, появился красивый стан, талия вытянулась, а спина расширилась. Данкевич носила кофты с длинными рукавами и кисточками, сумочки тоже на длинных ремешках и такие же сапожки с цветами.

Она красивая!

Ну очень-очень.

Синие глаза. Кудрявые длинные завитушки до талии.

И вдруг как-то случайно, то ли на дискотеке, или концерте, или в кафе Данкевич встретила с бывшим. С этим подонком, косившим от армии, войны, разгуливающим по дорогим ресторанам. У него был пирсинг на щеках, серьги в ушах. Его имя Ик.

Этот Ик как раз расстался с новой девушкой. У него была сберкарта с полумиллионом от бати, новый авто, часы, кроссы и... море наглости.

Данкевич столкнулась с ним в дверях, в метро. Самое смешное, что именно в дверях и в метро. Ик обычно не ездил на общественном транспорте. Но тут распахивался, выпил коктейль и ринулся вниз по лестнице. А тут – хоп – Данкевич – похорошевшая настолько, что глаз не отвести.

– Данко, Данко! – Ик обнял её за талию. – С ума сойти! Моя Данко!
– Я уже не твоя! – Данкевич сделала шаг назад и упёрлась в косяк двери. И чуть не упала.

Ик ловко её подхватил:

– Ну, милая! Ты всегда моя. И будешь ею. Пойдём поболтаем. Просто, без обязательств!

От Ик пахло дорогим парфюмом, не так, как от Мокши, у Ик были деньги и море наглости.

Он повлёк Данкевич в парк, на лавочку.

Сели.

– Ну, ты как, милая?

– Я занята. У нас сбор в полдень. И ещё надо 50 тысяч дособрать на мавик... а ещё в институт на лекцию.

– Я сейчас тебе скину сто? И в институт подвезу на своей тачке? Хорошо?

Ик был кроток и печален. Ик был свой и привычный. Он был нагл и самоуверен. И этот парфюм. Эта футболка. И родной телячий говор.

Данкевич даже не поняла, как оказалась после лекций в объятьях Ик. Как её губы оказались во рту его. Тело внизу его тела. А ноги закинутыми на спину Ик. Она просто поплыла по течению.

А рука где?

– Ничего, мы тебе купим протез. Такой красивый с розовым браслетиком. Мягкий. И на нём пять розовых пальчиков с налакированными ноготками!

А ещё домик на Рублёвке. Аккуратный, трёхэтажный с участком 75 соток. Я женюсь на тебе, Данкевич!

– Нет. Я беременна от другого!

– Неважно! Я люблю твоего ребёнка. И тебя.

– Ты же сказал, что просто поболтаем. Без обязательств!

– Так и что? Ты без обязательств. А я с обязательствами – жениться! Срочно!

Батя, благослови!

Свадьбу играли в ресторане.

Данкевич просила – скромно, без шумных гостей.

Но все ей твердили, да, да... без обязательств!

Но гостей набежало много – из Госдумы, из дирекции, из надзора, лично от мэра.

А когда жених взял невесту на руки, то Данкевич увидела внизу, под балконом загса жилистую фигуру. Это был Мокша. Он стоял сгорбившись, а лицо его было искривлено маской боли.

Он выложил из камушков фразу: «Я буду ждать, когда ты разведёшься!»

Прошло 10 месяцев.

Мы как раз вернулись с концерта.

Уставшие. Ольга сына оставляла с мамой. Я Стикса с Милой. А Микку усыновила какая-то бездетная пара из Москвы.

Мы работали. На победу!

И вдруг я получаю сообщение от Мокши: «Данкевич вернулась! С малышом! Ко мне!» Я ответила: «Поздравляю! Завтра сбор в штабе в два часа! Надо будет грузить новый конвой в Курск».

Мы собирали на корм собакам. Собирали на корм кошкам. На памперсы для детей. На памперсы для стариков. И грузили, грузили, грузили.

Я точно знала, сколько всего тюков входит в нашу «буханку», а когда её разворотило взрывом от какой-то фигни, то сколько может войти в новый грузовичок. Вообще, рассказывают, что некоторые отряды бесконечно бухают. У нас была железная дисциплина. Бианка следил за этим строго. Несколько человек он выгнал за несоблюдение. Это были мужчины, которые думали, что проканают. Двух женщин он выгнал за разгульное поведение, они ехали на линию и давали там изголодавшимся по бабьему телу парням. Но не просто спали с ними, а за деньги. Это было гадко. Поэтому Бианка высадил одну сразу, как переехали границу, а вторую чуть позже, на вокзале в Воронеже.

Затем мы ехали молча, лишь Ольга пела на мои четверостишья песню: «В чернозёмной столице да как не увязнуть?»

И все подхватили: «Мне не надо ни чая, ни булок, ни кофе! Ибо мы мимо парков идём, мимо кладбищ, здесь бесплатнее сыра, пожалуй, Голгофа...»

Слова были тяжеловатыми. Но мы пели, пели.

Мы остановились на выезде, зашли в кафе. Это ведь только в песне не надо ни чая, ни булок, ни кофе, а на самом деле и чая, и кофе хотелось! Мокша заказал пива и снова начал немного поскуливать, что его бросила Данкевич. Он все 10 месяцев, пока та не родила и не вернулась к нему, поскуливал. А мне приходилось слушать его.

– Вот ты, ты Фотинья Александровна Гуманцева, ты вот отчего одна?

– А чё?

– А то, что красивая баба, на тебя мужчины оглядываются. Командир части прямо-таки напрямую вчера тебе сказал: люблю тебя! А ты сидишь, как глухая, и не реагируешь. Отчего?

– Мокша, тебе показалось. Это был анекдот. Обычный солдатский гон. Я спросила: всё ли есть у ребят. А он в шутку: нет тебя! Сейчас у них всё в норме. Думаю, что последний раз едем. Снабжение наладилось. Министр пришёл строгий. Так и сказал – вплоть до уголовного!

Мы все сидели за одним столом, придвинули стулья и сели. Ели борщ и запеканку с мясом. Старшой неожиданно строго цыкнул на Мокшу:

– Ещё одну беременную бабу я не осилю. У Ольги малыш, она вся молоком исходит, вон бока мокрые. Данкевич тоже родила. А если Фотка забеременеет, то я с кем останусь? С Бианкой? Ты мне, Мокша, брось это! Мы не в комнате свиданий, а на войне. Кровавой и страшной. Может, Фотинья и красавица, но не для этого солдафона!

– Тю... ревнуешь, батя? – усмехнулся Мокша.

– Я женатый человек. И мне не до флирта и цветочков! Фотка должна быть свободной, одинокой и небеременной! Всё! Ужин кончен! Надо к вечеру до области доехать. А там – по домам.

– Точно! Фотка – хороший друг и психолог. Она этих испуганных людей как орехи щёлкает, успокаивает. Даже не словом, а обворожительной, ощутительной красотой! – подхватила Ольга. – Едем, я по малышу скучаю!

Никола Ольгу обнял ласково, он уже хорошо ходил, чуть прихрамывая на своём бионическом протезе. Мокша угрюмо встал, прищуриваясь, поглядывал на меня. Старшой закурил, но отчего-то бросил сигарету не докурив.

Из Воронежа мы ехали молча.

Все дружно успокоились и стали дремать. Я свернулась калачиком на заднем сидении. Дорога была ровная, без выбоин, шуршащая.

И тут мне приснилось, что я как вроде умерла. Вот взяла и стала отходить в иной свет. Наверно, от попадания осколков в меня. И я стала просить горсть ягод. Смородину. А была зима вроде. И думаю: откуда возьмутся ягоды, да ещё с куста? Зимой? И тут дяденьку увидела. Махонького и синенького. Он шёл ко мне и нёс кружку, полную ягод.

Но тут машину тряхнуло на повороте, и я проснулась.

Бр-р.

Пить хочу!

А ягоды я действительно ела. Мокша попросил остановиться на пять минут. И принёс мне полную горсть земляники. Я съела, и у меня перехватило дыхание.

Аллергия!

И я провалялась в больнице целый месяц.

Доктор, который делал каждое утро обход, на меня поглядывал с интересом. И всё время спрашивал: придёте к нам петь? Я кивала. Затем говорила – да. Затем – обязательно.

Когда меня выписали, я поехала в детдом, где провёл почти год Мика. Мне хотелось узнать, кто его усыновил. И как он поживает. Но Люся холодно мне ответила:

– Нет сведений.

– Как так нет? – удивилась я.

– Очень просто. Мика сейчас у родителей, под опекой. За их семьёй смотрят специальные службы. И мы не имеем права разглашать тайну усыновления.

– Люся! – взмолилась я. – Прошу!

– Нет! Идите, Гуманцева, я вам ничего не скажу!

– А если я запрос сделаю официальный от ведомства? Дадите сведения?

– Если бы да кабы... не знаю я!

Через месяц Старшой отправил запрос. А ещё через два пришёл ответ, что Мика попал в отказники и что его взяли новые люди, как раз пару дней тому назад.

Я выла в голос! Я так орала, что охрипла!

Меня трясло в конвульсиях.

...судьба сжалилась надо мной. Старшой нашёл, куда отправили Мику.

– Но тебе, одиночке, его всё равно не отдадут! – сказал Мокша, когда зашёл ко мне домой, чтобы сообщить новость. К этому моменту я навела порядок в квартире, накормила Стикса. Сама накрасилась, волосы заплела в косичку и надела скромное платье с белым воротничком. Лишь мешки под глазами выдавали моё депрессивное состояние. И Милка, которая всё никак не уходила к себе, а ворчала: «Фотинья Александровна, поберегите себя!»

– Тогда я замуж выйду! – ответила я Мокше, который сразу прошёл на кухню с тортом и фруктами.

– Это тебе от нас! От Ольги, Николы, Старшого, Данкевич и меня! Ешь!

– За кого замуж? – Мокша оторопело сел на стул.

– За доктора. Он аллерголог. Заодно и вылечит! – я прищурилась и нагло хмыкнула.

– А-а... это из-за земляники на меня злишься?

– Не злюсь я. Просто Мику видеть хочу!

- Поедем!
- Куда?
- В детдом. Мику второй раз вернули. Не прижился...

Я обнимала его, моего мальчика. Я целовала его, моего чудесного! Я не могла от него оторваться!

– Фея! Моя фея! Прилетела!

Ага! Запакуйте и заверните! Беру!

Мика... мой любимый... мой золотой... беленький, пухлый!

Подростший!

За лето он вытянулся, у него стало румяным лицо, движения стали плавными. Но он всё такой же – мой Мика! Мы не могли наговориться и наиграться в разные игры. Я ему сочинила несколько весёлых сказок и пару детских стихов. Вечером Мика спросил:

– Почему ты меня не возьмёшь к себе?

У него был серьёзный такой взгляд. Чисто мужской. Такой требовательный. Что я зарделась. Мне стало стыдно.

– Мне тебя не отдадут...

– Почему?

– Я не замужем, Мика! Одинокая женщина.

– Женись! Что же ты так? – Мика осуждающе сжал руки в узелок. И накинуд ногу на ногу. Причём у него ноги стали легко заплетаться в косичку. Я удивилась, когда увидела, что он умеет это делать. Я тоже так делала, когда была молодой.

– А на ком жениться, Мика? У меня нет жениха...

– Ну вот! Она ещё не нашла себе мужа! Чем же ты занималась это время? – Мика осуждающе покачал головой. Мягкие кудри разметались по плечикам.

Я прижала Мику к себе. И отчего-то заплакала. Тихонечко. И без слёз.

– Хочешь, я на тебе женюсь? – Мика стал тереть мои щёки.

– Тебе нельзя. Ты несовершеннолетний. И у тебя нет паспорта.

– Тогда выходи замуж за моего отца! Он где-то по тюрьмам болтается! Так мама говорила.

– Хорошая перспектива, Мика. Но меня в тюрьму не пустят.

– Так ты же фея. Через окно пролезь!

– Мика. Замуж надо идти по любви. А не по расчёту!

– Что такое расчёт?

– Ну, не за любимого. А за деньги его. Чтобы был богатый. Машина. Квартира...

– Ну да... – вздохнул Мика.

Когда мы легли спать в гостиной комнате, я потихонечку выпростала из-под одеяла руки, достала телефон и написала сообщение Мокше: «Спроси у аллерголога, не хочет ли он на мне жениться? Прямо сейчас!»

Я обняла Мику крепче, снова поцеловала его в тёплый, пахнущий парным молоком затылок. Прижала его к себе. Вот так, мой сладенький комочек! Вот так! Скоро будешь мне сыночком!

Мокша ответил: «Нет, он убеждённый холостяк. Сказал – только переспать могу!»

Я ответила: «Мокша, узнай, может, командир части женится?»

Мокша ответил: «Да. Он согласился. Только спросил, отчего такая спешка? А цветочно-букетный период?»

Ой! Я, кажется, обрадовалась!

Я выпростала из-под одеяла не только руки, но и всю себя. Надела тапочки и села к окну, чтобы свет фонаря лучами помогал мне видеть быстрые фразы, которые я торопливо писала в эсэмэске.

«Напиши, хочет страстно замуж. Именно чтобы официально! Воспитание не позволяет без печати в паспорте в постель ложиться! Принципиально!»

Мокша ответил: «Командир к себе зовёт для бракосочетания. Уже генералу рапорт написал. Любовь с первого взгляда!»

Я ответила: «Скажи, что я хочу Мику усыновить! Это моё условие!»

Мокша торопливо написал: «Он согласен!»

Я добавила: «Спроси, как его зовут по имени-отчеству? Я только его позывной знаю – Иван Грозный!»

«Значит, выйдешь за самого царя!»

«Ну, спроси!»

«Иван Иванович Грозно».

.....

Все наши хохотали до колик. Была нормальной Гуманцевой. Станешь Грозно-Гуманцевой! Страшно, жутко Гуманцевой!

Слушай, Гуманцева, а у тебя мужики были? Ну там, чтобы любовь-морковь? Страсть? Экстаз? Чтобы тело к телу? Мы ни разу не слышали, чтобы тебе кто-то из мужчин звонил, приглашал на свидание.

Особенно забавлялся Мокша: «Фотка, представь первая брачная ночь! Ты в неглиже. Грозный тоже с голым пузом. И вы ложитесь в блиндаже на гнилой матрас, где кровь, слизь, подтёки. На этом матрасе умирали и спали. На этом матрасе валялись человеческие обгоревшие тела. Кости. И ты чё будешь с Иваном Грозно делать? Ну, для начала?»

Все снова принялись хохотать. Особенно Данкевич. Она на сей раз поехала с нами. Всё-таки событие – Гуманцева замуж выходит!

Малыша Мокша и Данкевич оставили у матери первого мужа. Она обещала приглядеть. Тем более Ик женился на новой пассии и смылся куда-то в сторону Ларса. А свекруха томила от безделья.

– Ну, дальше, дальше! Погладила Ивану Грозно пузичко. А потом?

Я пожалала плечами: «Наверно ещё раз поглажу!»

– Дальше, дальше! – кричали не только Мокша и Данкевич, но и Ольга с Николаем. И даже Старшой, который был за рулём не удержался:

– Говори!

– Ещё раз поглажу!

Хохот был непрерывным: поглажу! Кричали все, глядя на друг друга! Поглажу, и всё тут! Он же рубашка. Он же брюки! Его надо гладить утюгом! Гладить и гладить!

– Фотка! Мы тебе утюг подарим на свадьбу!

– Фотка, мы подарим тебе два утюга!

– Нет, три!

– Четыре!

– Пять!

Такого веселья давно не было. Обычно мы все сидим тихо. Либо поём. Либо дремлем. Старшой и Николаем меняются местами. Ночью ведёт машину Мокша. Женщины спят. Им достаются самые удобные места.

На место сборки мы приехали на второй день. Выгрузились. Стали ждать Ивана Грозно. Прошло около трёх часов. Мокша хохотал, изображая глажку белья. Гуманцева, готовься! На мне были серые, камуфляжные брюки на удобной резинке и белая футболка. Всё-таки замуж

иду! Паспорт в кармане. Женщина из администрации, которую вызвали, чтобы зафиксировать наш брак и выдать необходимые справки для усыновления Мики, ждала у окна. Только бы не было прилётов. Эти птицы так и шныряют целыми днями! Но сегодня было спокойно, детектор терпеливо молчал.

– А вы все печати поставили на справках? – осведомился Мокша.

– Да все, все! Только подписи мужа не хватает! – кивала добрая женщина. У неё был мягкий южный говор на «х». – Приедет, распишется, и тут же все бумажки вам отдам! И всё, что полагается: льготы, деньги, всё пойдёт на имя жены нашего Ванечки! Не сомневайтесь – он хороший человек!

Мы присели в тени за домом. Вокруг ветвился сад. Он был цветущим и жизнерадостным. Обворожительно пахло абрикосами. Прямо сногшибательно.

Иван Иванович прибыл к вечеру. И женщина из администрации терпеливо дождалась. Она быстренько произнесла нужную тираду слов и поставила в наших паспортах печати. Затем произнесла дежурное: «Теперь вы муж и жена!»

Хотела добавить: «Поздравьте друг друга!», но в этот момент запиликал детектор. Потому что прилёт!

Я стояла как вкопанная. Тут только до меня дошло, что Иван Иванович Грозно стал мне мужем.

Стань мне мужем! – такое счастливое выражение.

Стань мне мужем! – заветная фраза.

Стань мужем моим!

Блин... что я натворила.

– Погладь его! – выкрикнул Мокша. И все снова расхохотались, забегая в дом. Начались сбросы. Один. Второй. Третий. Иван Иванович, это вы их сюда привезли! Видимо, они за вами следили! Мы гурьбой ринулись в подвал. Женщина из администрации быстро сунула мне в руки все бумаги, которые мы заказали. Согласие мужа на усыновление. Его заявление. Свидетельство о браке. Справка, где служит.

– Ой, – пискнула Ольга. – Я, кажется, подвернула ногу!

Старшой взял женщину на руки и посадил на диван в подвале. Данкевич спустилась сама. Мокша просто спрыгнул. Никола, отдышливо пыхтя, спустился вниз. Он еще не очень хорошо владел протезом на спуск. Мы с Иваном Грозно взяли за руки и ловко метнулись по лестнице; несмотря на полноту, мой новый муж был ловким и увёртливым. Я оказалась в его цепких объятьях, а затем и в глубине подвала. За нами спрыгнул водитель, который привез командира на уазике.

Надо сказать, что в администрации был очень уютный подвальчик. Просторная комната, однако! Ковры, полки для документов. Столик, стулья, два кресла и холодильник.

– Шампанское в студию! – вскрикнул Мокша и достал из рюкзака бутылку, припасённую заранее.

– Мы тоже не с пустыми руками! – Иван Грозно приказал водителю открыть вещмешок.

О! Ветчина! Курица жареная! Коньяк дорогуший! Лимоны, яблоки, конфеты. И даже пирожки с мясом!

Мы выпили. Свет тихо лился из небольшого, но круглого окна. Стало весело. Мокша врубил на телефоне марш Мендельсона.

– Фотка, иди гладь Ивана!

Все снова дружно рассмеялись. Женщина из администрации робко сказала:

– Может, я пойду?

– А как же мы? – спросил Старшой.

– Вы оставайтесь!

– Мне велено вас доставить до дому! – Иван Грозно махнул рукой водителю: – Исполни!

– Есть!

– И возвращайся за нами! Поедем ночевать в гостиницу...

Я тайком налила себе в стакан коньяка. Налила прямо доверху. И выпила. В суете никто не заметил моего испуга. Водитель и женщина из администрации удалились, благо прилёты стихли. Ольга жаловалась на боль в ноге.

– Её надо в больницу определить... – робко попросил Никола.

– Определим! – Иван Грозно говорил чётко, по-солдатски и громко.

При этом он сжимал мою руку и трогал меня за бедро. Я не сопротивлялась. После третьего стакана мне стало всё равно.

– Ты утюгом погладила? – спросил на ухо Мокша, хохоча.

– Ага! Два раза! – также шёпотом ответила я.

И мы оба расхохотались.

Все принялись есть курицу. Иван Грозно принялся пощипывать мои бёдра. Затем потянулся к ногам. В этот момент вошёл водитель в подвал и крикнул:

– Приказ исполнен, товарищ наччасти! Едем в город?

– А что там наверху? Спокойно?

– Да!

– Едем!

Все обрадованно начали выбираться наверх. Меня так развезло от коньяка, что я едва стояла на ногах. Я не могла даже выпрямиться. Меня валило обратно вниз. Мокша хохотал, как ненормальный. Глядя на него, хихикали Ольга и Данкевич. Один Никола был серьёзен. Даже Старшой не мог никак удержать истерический смех.

Иван Грозно подхватил меня под мышки и втащил наверх.

– Эх, невеста-то вам досталась того... пьющая! – подначивал Ивана Грозно Мокша. – И поющая!

– Это не от счастья! От голода. Она весь день не ела. Так замуж хотела!

– Отставить! – вдруг заорал Иван Грозно. – Не позволю! Моя жена приличная женщина. Просто я понимаю её стремления! Она хотела Мику усыновить, поэтому согласилась пойти за меня! Я её торопить не буду. Пусть привыкнет!

– Ага! – Мокша не выдержал. – Я видел, как ты её обихаживал с ног до головы...

– Ничего. Я просто привыкал. Хотел понять – какая её красота! – Иван Грозно довольно кивнул головой.

На свежем воздухе я немного оклемалась и пошла самостоятельно вдоль забора.

– Так что, и спать сегодня с ней не будете? – Мокша снова хихикнул, садясь в нашу машину.

– А это уж как дело пойдёт! – Иван Грозно повёл плечами.

Мы подошли к узику.

– Фотинья, а тебе со мной! – Иван подал мне руку. – Садись рядом!

Я видела, как наши гуманитарщики размещаются в наш грузовичок. Видела, как они повторяют: утюгом погладь его! Погладь его! И хохочут. Ну дурачьё!

На самом деле Иван Грозно оказался очень галантным. Он поцеловал мне ручку и слегка отодвинулся. По уставу.

– Мы поедem в другую сторону, – сказал он. – К ручью. Тебе надо умыться. Затем направимся в гостиницу. Там посидим пару часов. Затем поднимемся в номер. Я заказал еду туда. И твоим гостям в кафе ужин накрыт уже. Поняла?

– Да.

Ручей был очень живописным. Он небольшим водопадом выкатывался из ущелья. Вода холодная. Но терпимо. Я разделась. И вошла в воду. Было примерно по пояс. Иван Грозно остался караулить. Водитель мило отвернулся и не смотрел на меня, как я скидываю одежду, как остаюсь в одном белье, как трогаю ногой песок, как делаю первый шаг. Как охаю, входя в сам ручей.

– А зачем мне надо быть трезвой? – спрашиваю я новоиспечённого мужа.

– Фотинья, мы не в тылу. У нас дисциплина. Ну, и сплетни всякие могут до генералов докатиться. Я бы не хотел худого. Тем более моя скоропалительная женитьба – очень спорный вопрос! – Иван Грозно объяснил мне ситуацию, стоя возле уазика. Он говорил медленно, словно объяснял, как наводить калаш на цель, как ползти по траве, как делать перевязки. Затем он взял травинку и сорвал её, стал ковырять в зубах.

Я купалась и купалась. Плескалась и радовалась. Вот есть же счастье в жизни!

– Выходи! Хватит уже. Простынешь...

– Ещё пять минут! Ну, ещё!

Водитель отошёл чуть левее и присел на бугорок. Иван Грозно достал из багажника полотенце и чётко произнёс в приказном порядке:

– Живо на берег! Здесь не курорт!

Но я ещё раз окунулась прямо с головой. Ещё и ещё раз.

Это-то меня и спасло. Что я окунула голову.

Ибо осколок от снаряда угодил прямо в Ивана, отрикошетив, прошлёпал по воде. А сам снаряд попал в уазик.

Я выскочила из ручья, выхватила из рук Ивана полотенце и завернулась в него. Иван лежал, раскинув руки, словно обнимая землю.

Кровь текла, просачиваясь в землю.

Глаза Ивана были открыты: «Я люблю тебя! И любил... ещё тогда, это была любовь с первого взгляда... я женился по любви...»

Через секунду сердце воина, наверно, перестало биться.

Не успела стать женой, а уже овдовела...

Это была я.

...надеюсь, тебе я пригодился?

И ты смогла усыновить Мику?

...спи спокойно, славный воин. Ты умер по любви. И жил по любви.